
Александр ПАСТУХОВ

*Орловский государственный институт искусств и культуры,
Россия*

БЫТОВАЯ КУЛЬТУРА И ТЕКСТ

История развития и формирование историко-этнологического подхода находится в различной степени зависимости с традициями народа. Формирование традициологии как отдельной науки нельзя считать завершённой, однако её идеи и концепции имеют много пересечений с науками гуманитарного цикла, открывают перспективы исследования текста. Привлечение традициологии в лингвистическое рассмотрение, добавляет недостающие штрихи в учение об этнической культуре, взаимовлиянии быта и языка как отражении жизни всякого этноса. Семиотика публичного и частного, отношения людей, специфические формы их поведения, представления о справедливости распределения обязанностей и благ – все это становится предметом исследования, область которого вполне можно определить как «антропологию повседневности» [Утехин, 2000].

Факт культурного «разрыва» в сознании большей части социума, проявляющийся в неумении понять, оценить произведения новейшего искусства, в том числе словесного, может быть восполнен на основе изучения бытовой культуры через текст. Раскрытие реализационных особенностей текста, его бытийных составляющих как средоточия человеческой субъективности, смысла и ценностей, экспликация культурного статуса, взаимосвязей и модификаций речемыслительной деятельности обнажает «основные презумпции и тенденции методологии современного «текстоцентричного» знания [Канькин, 2002].

Онтологические особенности текста выявляются на основе его функций в культуре, взаимосвязей текста и внетекстовых структур различной семиотической природы, что определяет отношение текста к внезнаковой реальности. Такой выбор концепции обуславливает возможности и основания, опираясь на которые, можно выстроить каркас исторической этнологии через картину функционирования текста в его взаимосвязи с культурой народа, вернее, с её бытовой составляющей. Целый комплекс факторов, охватывающих материальную культуру, традиционные занятия, организацию жизни, духовные ценности, жизненный цикл, язык [Бергельсон, 2005, 2] даёт возможность взгляда на традиционные стороны этноса средствами языка. Анализ т.н. «бытовых» текстов, отражающих традицию недавнего прошлого во всем её тематическом и стилистическом разнообразии, способен дать не просто картину мира в форме хроникальных «заметок на полях», свидетельствующих об истории быта, жизни людей, но и позволяет авторам переносить свои личные видения, проецируя через эти темы общественный интерес [Пастухов, 2000, 9].

Филология и история одинаково имеют дело с текстом, в котором содержатся коды, являющиеся инструментом создания образа мира. При пространственном моделировании этот мир реконструирует пространственный облик. Некоторые образы культуры могут иметь особое значение – служить уникальным объектом, в котором собрано огромное количество кодов, связей, ассоциаций, содержится колоссальный объем культурной памяти [Соловьева, 2004, 144].

Филологические проблемы изучения явлений культуры перерастают свои границы и превращаются в общечеловеческие, философские. В этом смысле глубинная подоплека философии М.М. Бахтина, с риторическими (языковыми) темами и сюжетами носят в его интерпретации мета-риторический, философский характер. Во всей своей строгости и научности мысль М.М.Бахтина свободно и легко переходит из философии в филологию, из лингвистики в эстетику или этику. Не случайно, сам Бахтин называл свой анализ философским: это не лингвистический, не филологический, не литературоведческий анализ ... он находится в пограничных сферах, то есть на границах указанных дисциплин, на стыках и пересечениях» [Бахтин, 1979, 281].

«Нагромождение» понятий в классике гуманитарных наук сродни гиперфизическим объектам, тому, что в языке можно назвать *гипертекстуальностью*. «Элементарные частицы» текстовой материи, чистые текстуальные знаки, выделенные из литературы, – это те же условные проекции критического подхода, в то время как текст – стерильный продукт, созданный в критической лаборатории по мере расщепления литературы на составляющие и удаления «историчности», «биографичности», «культурности», «эмоциональности», «философичности» [Эпштейн, 1995, 35].

Изучение сложного феномена бытового текста основаны на своеобразной антитезе мифолого-романтических образов и бытовой детали. Деталь могла не иметь иного значения, кроме утверждения в подлинности, выделения в реальном мире сфер явления и сущности. Бытовая деталь (явление) – носитель сущностного значения, которое раскрывается через нее. Сущность же мыслится как некоторая идея или текст, т.е. выступает в роли устройства, кодирующего сферу бытового изображения [Минц, Лотман, 1983].

Различия истолкований и оценок текста связаны также с *менталитетом* народа (лат. *mentalis* – *menta* 'ум, разум, мышление, рассудок'). Сравн. в русском языке «менталитет» (книжн.) *мировосприятие, умонастроение*. [Ожегов, Шведова, 1992, 358]. Производное от него «ментальность» выводит на «историко-бытийный», историософский план, соотносимый с дальним смыслом событий, раскрывающих судьбы стран и народов. Символическая значимость: «*русские – не знают, что делать. Они делают все невпопад, растеряны, нерасторопны, великодушны, недалековидны, непрактичны, рыхлы духом и пламенно беспочвенны* [Аннинский, 2001] и другие попытки освоения русской *ментальности* вовсе не кажутся исчерпанными. Любое противопоставление слову *культура* весьма показательно: *культура* русская, а *менталитет* – американский (отношение к работе, деньгам, развлечениям и т.д.). Да и сами расхождения «исходного» *менталитета* с русским ещё более

подчеркивают его основное значение: *'восприятие индивидуумом мировосприятия своей группы – традиций, привычек бытовых, этических, социальных* [Брагина, 2001, 34-36].

Определение бытового текста не может быть полным до тех пор, пока мы довольствуемся только «действительностью» текста и «действительностью» повседневности. Современные формы коммуникации существенно изменяют парадигму их восприятия в сознании каждого человека как набора общеизвестных и связанных клише вербального и невербального характера, источниками которых служат школа, медиа, массовая культура, устные традиции и т.п. [Леонтьева, Маслинский, 2001]. Само описание коммуникативных форм бытового текста во многом определяется такими параметрами, как временные рамки, сфера охвата и т.п., аккумулирующими в себе стереотипный набор сведений о предмете быта в форме отобранного и организованного словесного материала.

В фиксации образа, который в тексте оформляется вербально, реализуется «виртуальная» обратная связь с предметом бытового описания. В его восприятии есть логика происходящего, принятие человеком «объективных» исторических закономерностей. Результатом такого личного, пристрастного выбора (в особенной мере это касается недавней истории) является растянутая во времени собственная ограниченность, целая поэтика русского переживания себя. Это поэтика самоуничтожения и претензий, стыда и самообольщения, тревог и умолчаний, клубок гордости и обид, почти неотличимых друг от друга. Быть русским – значит обладать определенным типом исторического самолюбия, весьма болезненного [Балла, 2005b, 6]. Такое объяснение отчасти объясняет непреодолимую тягу русских к историческим экстремалиям, их парадоксальной склонности к самоубийственным поворотам.

Самоизоляция, своеобразное «духовное изгнанничество» как философско-бытийная категория – явление не столько биографическое (мучительные воспоминания о месте, где человек жил, о доме, где родился, о мебели и вещах, о запахах и книгах, которые он помнил с детства), сколь искусственное, которое со временем воспринимается гораздо более реальным, чем настоящая жизнь. Типично русскую рефлексию жизни и повседневности сложно обозначить терминами. Важна не сама реальность, а то, как её «обрабатывают» люди. Фиксированность (читай: зацикленность) русских на страдании культурно мотивирована; она отчасти лишает их способности справляться с трудностями.

Попытки конструктивно решить проблему не всегда вписываются в каноны жанра. Привыкшие жаловаться заранее обессиливают себя перед трудностями, заранее ставят себя в позицию жертвы: русские страдания – разновидность самообмана, иллюзий. Примером этого могут служить исследования американского антрополога Н. Рис, которая в конце 80-х стала собирателем т.н. «разговоров о происходящем». «Разговоры на кухне» как предмет культурологических исследований экстраполировал «не речевой сор, не оговорки и поговорки или красноречивые случайности. Наоборот, в поле её зрения попало типичное в языке той эпохи, выхваченное из общего звукового погона и трансформированное во вполне сознательно выстроенный дискурс»

[Балла, 2005a].

«Русские разговоры» выступают у Н.Рис как цельное мифоподобное образование [Рис, 2005]. Вооружившись теоретическим инструментарием (морфология волшебной сказки В.Я.Проппа, теория речевых жанров М.М. Бахтина), она выделяет отдельные устойчивые темы, приемы собирания и обработки материала, весьма направленно конструируя «дискурсивное искусство страдания», понимаемое ею едва ли не как единственный способ русского реагирования на жизнь.

«Речевые жанры» эпохи перестройки маркируют и другие характерные способы жаловаться на жизнь, носящие при всей своей искренности совершенно ритуальный характер. Их структура неизменна: это – речевые периоды, в которых говорящий излагает свои жалобы, обиды, тревоги по поводу неприятностей, трудностей, несчастий, болезней с произнесением в конце какой-нибудь обобщенно-фаталистической фразы или горестного риторического вопроса, типа: «Ну почему у нас все так плохо?!» [Балла, 2005a].

В последнее десятилетие заметным стало и другое свойство русской души – осознать, что «жизнь удалась». Оно находит своё выражение в стремлении понять и оформить свой стиль жизни. Речевым образчиком стиля (не стиля жизни, под которым иногда ассоциируется "*чиста канкретный реал*" [http://users.livejournal.com/arman_/2003/05/13/]) может служить одноименная рубрика «Стиль жизни» в «Независимой газете». Её автор К.Метелица в своих заметках [Метелица, 2005] даёт бытовые истории, выстроенные как проекция нашего (как оказывается, вовсе уж не такого не обустроенного) быта, в прикидке на быт иностранный, «ихний», поданный во вкусной, удобной упаковке.

Использование стандартных языковых средств или отклонение от них выступает как совокупность фиксированных средств, служащих для реализации (оформления) речевых жанров, т.е. своеобразного кода, который определяет стилистический стандарт. Общее ощущение жизни у К.Метелицы выглядит совершенно по-разному: *Ложная тревога – сладостное чувство, обозначенное ласковым словом «отлегло». На рейсе Lufthansa из Москвы во Франкфурт-на-Майне 42-летний россиянин, будучи пьяным, устроил скандал, а затем начал избивать пассажиров подносом* [НГ, 24 марта 2005].

Быт людей показан как быт их вещей, которые *десятилетиями пылятся в неприкосновенности. Вещи и вещицы прибывают, но не убывают, наслаиваются друг на друга, живут в диком, но внутренне обоснованном беспорядке-порядке* [НГ, 12 мая 2005].

Путь постижения общечеловеческих ценностей посредством освоения своего родного языка и литературы, посредством освоения филологических ценностей выступает как процесс центростремительный, многосубъектный, многоаспектный и многоуровневый. Анализ бытового текста есть не самоцель и не самоценность научного метода. Изучение ценностных характеристик и бытийных смыслов текста обеспечивает глубокое освоение источника, своеобразного эстетического документа эпохи. «От себя – к тексту, от текста – к себе» – таков предлагаемый алгоритм понимания смысла текста, основанный

на жизненном опыте, на осознании и воссоздании «картины мира», задаваемой автором текста. Читатель вынужденно соотносит её с собственным видением, подвергает переоценке и переработке в зависимости от комплекса социокультурных и исторических условий. Воплощенность в языке текста присваивает «чужой» опыт и обогащает опыт «свой».

ЛИТЕРАТУРА:

- Аннинский, Л. Бикфордов шнур длиною в двести лет / Завтра. No: 10(61). – 18 сент.2001.
- Балла, О. Ну почему у нас всё так плохо?! / Ex Libris—Независимая газета. – 27.10.2005. – С.6 (а) *Она же*: Россию опять ломает // Там же. – С.6 (b)
- Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества – М.: Искусство, 1979.
- Бергельсон, М.Б. Межкультурная коммуникация: Вопросы теории и практики (проспект учебного пособия) // Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – №3. – С. 54-68.
- Брагина, А.А. Ваш менталитет и наш менталитет // Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 1999. – №4. – С. 33-37.
- Канныкин, С.В. Бытие текста в культуре: Дис... канд. филос. наук. – Воронеж: ВГУ, 2002. - 180с.
- Леонтьева, С.Г., Маслинский, К.А. Город и турист: механизмы самопрезентации «города классической провинции» // Провинция как реальность и объект осмысления: Материалы науч. конф. - Тверь, 2001. – С.76-86.
- Минц, З.Г., Лотман, Ю.М. [Историко-литературные заметки] Образы природных стихий в русской литературе (Пушкин – Достоевский – Блок) // Типология литературных взаимодействий: Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение / Отв. ред. З.Г.Минц. – Тарту, 1983. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 620). – С. 35–41.
- Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Русский язык. –1992. – С.358.
- Пастухов, А.Г. Оппозиция «традиция – модернизация» в бытовых текстах // Этнос. Язык. Культура: Проблемы социальной антропологии. – Славянск-на-Кубани, 2000. – С.8-12.
- Соловьева, Н.А. Память культуры и воображение как условия взаимопонимания (диалог внутри культуры) // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности: в 2 ч. / под ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой. – Ч.1. – Воронеж: ВГУ, 2004. – С.143-157.
- Эпштейн, М.Н. От модернизма к постмодернизму: диалектика «гипер» в культуре XX века // Новое литературное обозрение. – 1995. – №16.– С.32-45.
- [www. http://users.livejournal.com/arman_/2003/05/13/](http://users.livejournal.com/arman_/2003/05/13/)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА:

1. Утехин И. Очерки коммунального быта. – М.: ОГИ, 2000. – 248 с.
2. Рис Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. - М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 368 с.
3. Метелица К. Азбука жизни. – Тверь: Kolonna Publications, 2005. – 216 с.
4. Небо, самолет, пьяный юноша / Независимая газета. – 2005, 24 марта. – С.8.
5. Одно око и единый заказчик. Магия букв: ритуалы и амулеты / Независимая газета. – 2005, 12 мая. – С.8

SUMMARY

HOME CULTURE AND TEXT

The status and features of the subjective worlds are shown in the paper on textual examples from the new media. On the base of cultural and linguistic analyses the detailed study of the “text-centered” knowledge and modernization processes in Russian mentality are given.